

Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КОНФЕРЕНЦИИ
«ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ
И СОВРЕМЕННЫЕ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА»,
24–25 СЕНТЯБРЯ 2015 Г., МОСКВА

Ответственные редакторы
В. С. Малахов, М. Е. Симон

| Издательский дом ДЕЛО |

Москва | 2016

Миграция и безопасность в России (2000) / под ред. Г. Витковской, С. Панарина. М.: Московский Центр Карнеги.

Панов, А. (1910). Желтый вопрос в Приамурье (7): 53–116.

Панов, А. (1912). Борьба за рабочий рынок в Приамурье // Вопросы колонизации. (11): 241–282.

Рыбаковский, Л., Захарова, О., Миндогулов, В. (1994). Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия. М.

Соловьев, Вл. (1993). Панмонголизм // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М.: Наука: 233.

Соловьев, В. С. (1990). Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории / Владимир Сергеевич Соловьев. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль.

Сорокин, К. (1996). Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЭН.

Тавокин, С. Н. (1914). К вопросу о «желтой опасности». Киев: Изд-во «Восточная библиотека».

Тимофеев, П. (1908). Порто-франко на Дальнем Востоке и русский космополитизм. М.

Ухтубужский, П. (1913). Русский народ в Азии. 1) Переселение в Сибирь. 2) Желтая опасность. Издание Русского народного союза Михаила Архангела. СПб.

Храмчихин, А. (2005). Желтое господство. Захват Китаем Сибири — не «страшилка». Поскольку другого выхода у него просто нет // Политический журнал (27): 61–64.

Чайнатауны в России (2008) // Этнографическое обозрение (4): 3–58.

Шрейдер, Д. И. (1897). Наш Дальний Восток. СПб.

С. ПАНАРИН,
кандидат исторических наук,
руководитель Центра исследований общих проблем
современного Востока Института востоковедения РАН

Социокультурные эффекты исторических и современных миграций: возможности сравнения

В статье речь пойдет о *трансграничных миграциях* — перемещениях людей в пространстве, в ходе которых мигранты пересекают одну или несколько границ. Границы в данном случае понимаются широко: они могут быть государственными, административными, этническими, языковыми, культурными, могут выявляться по какому-то иному признаку; но какими бы они ни были, они будут ощущаться/осознаваться как границы *между пространственно локализуемыми различиями*, значимыми для людей, живущих по обе их стороны.

Исторически сложились две группы исследователей, занимающихся такого рода миграциями, причем обе группы сосуществовали практически параллельно, не общаясь на каких-либо совместных научных форумах и не пересекаясь в общем исследовательском поле. Одну группу составили те, кто занимается миграциями современными, другую — те, чей предмет — миграции прошлого. Первые (назовем их для краткости «современщиками») совершали исторические экскурсии, однако в ходе их обычно не уходили далее XIX — начала XX в. — времени формирования массовых миграционных потоков, типологически однородных с основными потоками современной трудовой миграции (трудовые, учебные и брачные мигранты, туристы, беженцы и вынужденные переселенцы) (см., например: [Дятлов 1996; Ларин 2009; Hutton 2004]). Вторые («древники»), похоже, вообще не интересовались опытом современных миграций. Тем не менее именно в их среде родился исследовательский проект, объективно способствующий сближению двух групп.

Имеется в виду начатый в 2003 г. на базе голландского Института этнических и миграционных исследований международный

по составу участников многолетний проект «Глобальная история миграций» (Global Migration History), изначально предполагавший значительное удлинение временной шкалы исследований. Его участниками была подготовлена серия публикаций, авторами и/или редакторами-составителями которых являются Ян и Лео Лукасен [Lucasen and Lucasen 1997, 2010, 2014]. Лукасенами же была предложена макроуровневая типология способов (modes) миграций в Новое время. Согласно ей в этот период на всем мировом пространстве прослеживаются следующие виды миграции: 1) в города; 2) иммиграция; 3) эмиграция; 4) миграция солдат и моряков; 5) сезонная миграция; 6) миграция колонистов.

Защищая свою типологию от критики, ее авторы подчеркивали [Lucasen and Lucasen 2011: 307]:

«Большое преимущество нашего подхода на макроуровне заключается в том формализованном сравнении развития в мировом масштабе и на протяжении длительных периодов времени, посредством которого можно выявить не только каковы были основные тренды миграций, но и что они означали в смысле инноваций и функционирования экономики».

Говоря языком историка, преимущество предлагаемой ими типологизации Лукасены усматривают в первую очередь в возможностях, открываемых ею для *синхронистического* изучения миграций по единой модели сопоставления пространственных перемещений в разных историко-культурных регионах. В то же время их подход, как им представляется, обладает эвристическим потенциалом и в *диахронии* позволяет протянуть казуальные связи между миграцией и исторически значимыми изменениями в затронутых ею обществах.

I

Голландские ученые ограничивают объяснительные возможности своей модели временем от конца XVI до начала XX в. Я же как археолог «по происхождению» и как человек, немалое время занимавшийся современными миграциями, убежден, что еще большее удлинение с помощью «древников» исторической ретроспективы миграционных исследований может оказаться эвристическим для «современщиков».

Попробую убедить в потенциальной продуктивности такого удлинения и читателей, показав, что может дать «современщикам» поворот в сторону исторических миграций. Под поворотом я понимаю выявление с помощью накопленной «древниками» историографии исторических миграций: во-первых, изоморфных черт у разделенных столетиями и даже тысячелетиями миграционных событий; во-вторых, гомологии социокультурных последствий разновременных миграций, производной от их структурно-типологических сходств. Разумеется, и то и другое должно делаться при непременном учете специфики конкретно-исторических контекстов.

По-видимому, справедливо и обратное утверждение: взгляд на миграции прошлого сквозь призму знания «современщиков» о миграциях настоящего может наполнить новым содержанием и знание «древников» о давних пространственных перемещениях. Так как, несмотря на то что «знания о прошлом описываются как “факты”, а знания о будущем как “гипотезы”», в действительности «эти понятийные образования равноценны», хотя «события прошлого уже произошли», «понимание этих событий, знание об их смысле и месте среди прочих событий возникает из знания их будущей судьбы, из знания характера процесса, который определен свершившимся — в прошлом и целью своей — в будущем» [Любарский 2000: 77–78]. Однако в статье я целиком сосредоточусь на тех познавательных преимуществах, которые может дать специалистам по современным миграциям расширение их исследовательского поля за счет обращения к опыту миграций исторических.

II

Главная трудность при выявлении социокультурных эффектов современных миграций заключается в том, что, сколь бы тщательно мы ни обосновывали оценки их гипотетических последствий, мы не можем, истолковывая миграционное событие *sui generis*, со всей определенностью установить его *исторически значимые* результаты. Контекстуальный анализ поможет в этом смысле лишь отчасти. Более эффективным выходом из такой ограничивающей ситуации представляется тот самый поворот, о котором сказано выше, — охват исследовательским фокусом и современных, и исторических миграций.

В пользу такого выхода свидетельствуют обретшие уже статус классических труды Ф. Броделя [Бродель 1986–1992], У. Мак-Нила [Мак-Нил 2008], Дж. Арриги [Арриги 2006]; к ним можно присоединить и книгу С. Нефёдова [Нефёдов 2010–2011]. Все эти авторы своими исследованиями доказали, что значительное удлинение исследовательского поля во времени — знаменитое броделевское *long durée* — существенно облегчает понимание устойчивых феноменов человеческой истории. Трансграничные миграции, определяемые так, как было предложено выше, как раз такой феномен. Поэтому я уверен, что при изучении миграций окажется эвристическим по своему значению такое расширение границ исследовательского поля во времени, когда четко устанавливается только их верхняя хронологическая грань — второе десятилетие XXI в., нижняя же теряется в глубине тысячелетий. В этом случае открывается возможность увидеть долговременные эффекты исторических миграций и таким образом обрести относительно надежные основания для прогнозирования будущих эффектов миграций современных.

Конечно, на длинной временной шкале происходило много такого, что существенным образом повлияло на последствия миграций; более того, это «много чего» могло кардинально изменить непосредственные эффекты трансграничных перемещений или вовсе их элиминировать. Однако с учетом событий и процессов, последующих трансграничным миграциям и опосредовавших их результаты, можно, как мне представляется, утверждать, что в целом ряде случаев трансграничные миграции сыграли роль мощного первого толчка или даже тектонического сдвига, который вкупе с иными воздействиями и обстоятельствами приводил к смене одного субъекта истории другим.

Эта смена могла происходить различными способами. Самый радикальный способ — завоевание, в ходе которого прежнее аборигенное население уничтожалось полностью или в огромных масштабах и заменялось населением пришлым. Но более распространенными были либо синтез новой субъектности на основе социокультурных характеристик пришлого и коренного населения, либо утрата автохтонами своей идентичности, принятие ими идентичности мигрантов. Что в лучшем случае сопровождалось превращением былых признаков их социокультурной самости в глубоко запятанный субстрат, вывляемый

методами этнографии в наиболее инерционных культурных практиках, таких, например, как орнамент¹.

Ближайший пример смены субъекта истории через синтез — это социокультурные эффекты варваризации Западной Римской империи. Здесь налицо и завершение процесса смены общественно-экономического строя, и замена одного государства многими, а единой общности римских граждан — рыхлыми общностями варварских королевств, из которых постепенно выросли современные нации. И в то же время несомненно, что культурное наследие античности не превратилось в маргинальный по значению субстрат, что оно мощно повлияло на становление Запада и как общества постоянно связанных друг с другом nation-states, и как отдельной цивилизации, и места становления капитализма. Если же говорить о примерах поглощения аборигенного населения пришлым, то можно вспомнить часть балтов (*голядь* в верхнем течении Оки) и финно-угров (*весь* в районе Белоозера, *меря* в районе будущего Ростова Великого, *мурома*, оставившая память о себе в названии одноименного русского города), прежде проживавших на Восточно-Европейской равнине, но затем полностью растворившихся в славянском половодье [Петрухин, Раевский 1998: 320–321]. Или завоевание Египта арабами: в результате него христианское население страны постепенно превратилось в меньшинство, сохранявшее свою этнокультурную идентичность ценой молчаливого смирения перед периодическими волнами дискриминации, преследований, наполовину насильственных обращений в ислам, лишавшими и лишавшими коптов качества активной субъектности².

Вряд ли было бы правильно уже сейчас предсказывать, в чем и как проявится ожидаемая эвристика применения в миграционных

¹ В частности, основные элементы так называемого геоксюрского орнамента, впервые зафиксированного на расписной керамике с неолитических поселений в дельте Теджена, до сих пор сохраняются в орнаментах туркменских ковров. См.: [Сарианиди, Кошеленко 1966: 72–75; Курбансахатов 2014]. И это несмотря на то, что за прошедшие тысячелетия этнокультурные характеристики и самоидентификация населения сменились на этой территории не один раз.

² В литературе по коптам можно найти немало подтверждений тезису о периодических попытках и в прошлом, и в настоящем стереть самые основы коптской идентичности. См., например: [Meinardus 2002: 65–84; Brownlee 2013].

III

исследованиях шкалы *long durée*. Тем не менее я рискну предположить, что «современщики» действительно получают новый эффективный аналитический инструмент. В этой связи стоит напомнить, что исторические миграции с самого их попадания в поле научного анализа в первую очередь рассматривались как один из инвариантов объяснения социокультурного процесса как такового. И акцент в этом случае делался не на факторах притяжения и выталкивания или на способах адаптации мигрантов и принимающего населения, а на поиске ответа на вопрос, является ли миграция движущей силой социокультурных сдвигов или же роль ее вторична по сравнению с автохтонным развитием¹.

Вероятно, в глазах «современщиков» субъектно-исторический подход чреват неполиткорректными выводами либо дискредитирован разного рода упражнениями по части миграционистской эсхатологии. Но возможность некорректного использования метода, обеспечивающего этот подход, не может служить достаточным основанием для того, чтобы игнорировать исторический опыт, оставленный миграциями прошлого. Тем более что в этом опыте есть примеры не только миграций-набегов и миграций-завоеваний, но и миграций мирных, растянутых во времени переселений, обернувшихся полной или частичной социокультурной трансформацией вовлеченных в процесс человеческих общностей. В конце концов то же переселение германских племен в пределы Римской империи, а славян — в пределы Византии, очень сильно, если не радикально изменившее карту Европы, протекало не только в военных, но и в мирных формах и растянулось во времени, сопоставимом по продолжительности с эпохой современных миграций².

¹ Особенно актуализировалась данная дилемма для бесписьменных периодов и территорий — предмета занятий археологов. См. об этом: [Амальрик, Монгайт 1966: 262–272].

² Так, от момента перехода в 375 г. на правобережье Дуная вестготов, спасавшихся от гуннов, до захвата ими на несколько дней Рима в 410 г. прошло 35 лет. Славянская колонизация Балканского полуострова, входившего в состав Восточной Римской империи/Византии, была более длительной, растянувшись с начала VI по начало VII в. При этом на вестготах был опробован, а на славянах широко использовался принцип принятия их в подданство в качестве федератов, получающих землю в обмен на обязанность охранять границы. Также в Римской империи и в Византии практиковался прием варваров на военную службу, а в Византии еще и организуемое государством выведение их в виде

Разумеется, к смене субъекта или к драматическому изменению его таксона приводили далеко не все исторические миграции, и я уже говорил об огромной роли места, времени и других условий проявления эффектов миграций. С другой стороны, роль самого типа миграционного движения, послужившего как минимум триггером социокультурной трансформации, вряд ли была малозначительной. В связи с этим принципиальное значение получает типология миграции, выстраиваемая на протяженной временной шкале, а не на ограниченной (как это обычно делается «современщиками»). Практически это означает не отрицание существующих типологий, а соположение им таких типов трансграничных миграционных перемещений, которые постоянно присутствовали в истории и поэтому могут рассматриваться как релевантные и для современного отрезка развития человечества. Имеются в виду типы трансграничных миграций, выделяемые сразу по двум критериям — по их целям и по вызывавшимся/вызываемым ими социокультурным эффектам. Тогда становится возможным следующий типологический ряд трансграничных миграций, в чем-то привычный в содержательном плане, в чем-то — нет.

Витальные. Цель — восстановление или укрепление здоровья и/или веры, обретение психологического и физиологического равновесия, элементарный отдых. Примеры: паломничества к святым местам в прошлом и настоящем; поездки на зарубежные курорты, в зарубежные клиники, оздоровительный туризм в широком смысле слова. Следствия — в диапазоне от различных эффектов на индивидуально-групповом уровне до появления локальных мультипликаторов развития целых районов и от воспроизводства знаковых культурных отличий до их эрозии вследствие знакомства с иным культурным миром.

Летальные. Цель — участие в военных действиях ради заработка, выплеска агрессии, удовлетворения девиантных склонностей и т. д. Примеры: наемничество греков в державе Ахеменидов,

многочисленных колонистов на запустевшие земли. См.: [Успенский 2011: 255–258].

швейцарцев и шотландцев в средневековой Европе¹, Иностран- ный легион в Индокитае, волонтеры Исламского государства из Западной Европы, России, Центральной Азии и т. д. Следствия — в диапазоне от формирования и воспроизводства специализи- рованных групп носителей культуры насилия и образования крупных отрядов мигрантов-беженцев до полного уничтожения социокультурных институтов того или иного конкретного об- щества, подвергшегося натиску летальных мигрантов².

Рапинальные (от латинского *rapina* — грабеж). Цель — охота за людьми как за добычей/товаром с их последующим переме- щением в пространстве. Примеры: арабская и западная рабо- торговля в Африке³, набеги крымских татар на Речь Посполитую и Русь⁴, туркменское аламанство⁵, торговля людьми в настоящее время⁶ и т. д. Эффекты — в диапазоне от демографического уро-

на и образования целых отрядов принудительных мигрантов — жертв архаического по своей форме насилия над личностью до экономического и культурного упадка целых регионов, превра- щения их в необитаемое «Дикое поле»¹.

Субъектов летальной и рапинальной миграции объединяет общее качество: будучи сами относительно немногочисленными, они в процессе преследования цели своей миграции создают го- раздо более крупные отряды мигрантов — беженцев и вынужден- ных переселенцев. Тем самым тысячи, десятки и даже сотни ты- сяч людей принудительно ставятся в условия, препятствующие сохранению их прежнего субъектно-исторического статуса, пол- ному воспроизводству их культуры, языка, идентичности и т. д.

Сходной силой в этом отношении обладает, как мне пред- ставляется, еще один вид или тип миграции. Он очень четко вы- деляется в длительной исторической ретроспективе, а вот в ограниченной перспективе современности, исчисляемой от силы двумя столетиями, он как будто теряется, словно суще- ствует в свернутом виде, затаившись в привычных нам типах добровольной и вынужденной миграции — в отрядах гастарбай- теров, беженцев и вынужденных переселенцев. Я имею в виду территориальные трансграничные миграции.

IV

Я назвал миграции данного типа территориальными потому, что их цель, пусть нередко не явленная поначалу самим мигран- там, — овладение территорией в широком смысле этого слова. Овладеть территорией можно по-разному, и различия в первую очередь определяются ее демографическим статусом — являет- ся ли она незаселенной или заселенной, а при заселенности — мало-, средне- или густонаселенной.

Сразу же следует подчеркнуть, что действительно незасе- ленные территории можно найти разве что у полюсов. Прочие

¹ Между прочим, эпизодам летальной миграции времен античности и средневековья мы обязаны двум литературным шедеврам. Имеются в виду «Анабасис» Ксенофонта и «Квентин Дорвард» Вальтера Скотта.

² Так, показательные убийства «неверных» (ассирийцев и езидов) ле- тальными мигрантами Исламского государства стали одним из значи- мых факторов лавинообразного нарастания потока беженцев с кон- тролью им и смежных территорий в Ираке и Сирии в соседние страны Ближнего Востока и в Европу.

³ Оценочно из Африки между 650 и 1900 гг. было вывезено до 18 млн человек арабскими работоторговцами и между 1550 и 1867 гг. — от 7 до 10 млн работоторговцами из стран Западной Европы и Америки. См.: Encyclopaedia Britannica's Guide to Black History. <http://academic.eb.com/blackhistory/article-24156>, last visited on 30.10.2015

⁴ «Компилирование неполных и обрывочных статистических данных и оценок показывает, что с 1468 по 1694 год крымские татары поло- нили немногим менее двух миллионов русских, украинцев и поляков» [The Cambridge World History of Slavery 2011: 145].

⁵ Словом «аламанство» (вариант — «аламанщина»), производным от туркм. алама'н (*ал* — возьми, *аман* — добро) в дореволюционной рус- ской литературе было принято обозначать практику вооруженных набегов туркменских племен на чужую территорию с целью грабе- жа и угона рабов [Кадыров 2001: 101]. Аламанство нашло отражение и в художественной литературе — в рассказе Андрея Платонова «Та- кыр» и романе Садриддина Айни «Рабы».

⁶ См. исследование этого явления на примере России первой половины 2000-х гг. в книге: [Тюрюканова 2006: 157–189]. Особенно впечатляют Приложения, содержащие жизненные истории конкретных людей, ставших его жертвами.

¹ Так, в середине — второй половине XIX в. упомянутые выше алама- ны нападали преимущественно на северные районы персидского Хорасана. Находившееся в упадке Персидское государство не смогло организовать защиту сельского населения от туркменских набегов. Как следствие, в приграничных районах к югу от р. Атрек полностью обезлюдели сотни деревень: часть их жителей были угнаны в рабство, другие бежали под защиту городов [Маннанов 1964: 30–32].

безлюдные пространства, бывшие, с точки зрения территориальных мигрантов, территориями незаселенными, на самом деле таковыми не являлись. На самом деле все они в большей или меньшей степени участвовали в процессе воспроизводства групп принимающего населения. Пусть аборигены появлялись на них только эпизодически и даже вовсе не появлялись десятилетиями, все равно в своем воспроизводстве они зависели от сохранения на этих территориях установившихся там биоценозов. Другими словами, даже самые «девственные» земли обладали определенным социокультурным содержанием постольку, поскольку служили своего рода заповедниками ресурсов или ресурсным страховым фондом, который вовлекался в хозяйственный оборот лишь в критических ситуациях, ставивших под вопрос не просто сохранение идентичности группы, но и само ее физическое выживание. И когда волны переселенцев, искренне полагавших, что они занимают пустую, ничейную землю, своей хозяйственной деятельностью лишали ее этой пугающей функции, это рано или поздно сказывалось отрицательным образом на существовавшей тысячелетиями модели выживания аборигенов (см., например: [Ващенко 2012: 31–40; Самарина 2012: 40–51])¹. Что уж говорить о тех многократно повторявшихся в мировой истории ситуациях, когда отчуждение и распашка мигрантами-земледельцами так называемой целины оборачивались катастрофическим сокращением фонда земель, использовавшихся аборигенами при пастбищно-отгонном типе скотоводства, жестоким кризисом кочевых обществ².

Получается, что практически всякая территориальная трансграничная миграция осуществляется через присвоение мигрантами всей или части пространства «чужого» им культурного мира. Это может быть прямое завоевание территории с последующим переселением на нее большего или меньшего количества завоевателей. Общеизвестные примеры — арии в долине

Инды, германцы в Римской империи, славяне в Византии, арабы в Магрибе, сельджуки в Малой Азии, японцы на Хоккайдо, ацтеки в Мексике, якуты в бассейне средней Лены, французские колонисты в Алжире, буры в Южной Африке, европейцы в Северной и Южной Америке, Австралии и Новой Зеландии. Но это может быть также постепенная инфильтрация, вызываемая первоначально отнюдь не осознанным желанием заполучить часть чужого пространства или все это пространство целиком, а иными целями — стремлением спасти жизнь, получить хорошее образование, воссоединиться с родственниками, найти вознаграждающую занятость. Когда таким образом мотивированные мигрантские потоки струятся тонкими ручейками, цель овладения территорией не присутствует или неактуальна. Но когда они в силу различных обстоятельств, в том числе и под натиском летальной и рапинальной миграции, а также под влиянием поощряющей иммиграцию политики государства, превращаются в полноводные реки, вопрос овладения территорией выходит на поверхность¹. Овладения, я подчеркиваю снова, неизбежно в примитивном смысле захвата земель, принадлежавших до того аборигенам, и вытеснения последних (хотя и такое случается, в том числе в огромных масштабах, как было с индейцами в США), а в смысле такого присвоения части пространства аборигенной культуры, которое неизбежно оборачивается

¹ Частично сопоставимые примеры — Абхазия и Косово. В обоих случаях власти поощряли переселение на их территории: в Абхазии после присоединения ее к Грузинской ССР — грузин, в Косово после образования Югославии — албанцев. Также в обеих этих областях периодически происходил отток некогда численно доминировавшего населения в другие места: абхазов — в Турцию, сербов — в Воеводину. В Косово дополнительную роль в изменении удельных весов двух основных конкурирующих групп — сербов и албанцев существенную роль сыграли также частичная ассимиляция первых вторыми и более высокие темпы естественного прироста у вторых по сравнению с первыми, тогда как в Абхазии эти факторы изменений практически отсутствовали (см.: [Кабузан 2012: 397–410]. Тем не менее невозможно отрицать, что и в Абхазии, и в Косово миграционный приток немало способствовал тому, что вопрос об овладении территорией был переведен в политическую плоскость только разными субъектами. Абхазы восстановили свою государственность, что сопровождалось массовым бегством грузин, косовары создали свое государство, почти полностью очистив его от сербов.

¹ См., например: [Ващенко 2013: 31–40; Самрина 2013: 40–51].

² Так было, например, в Казахской степи, где к началу Первой мировой войны в пользу русских крестьян-переселенцев из хозяйственного оборота скотоводов-казахов было изъято 40 млн десятин [Масанов и др. 2000: 245]. Один из последних по времени примеров того же рода — освоение так называемых целинных и залежных земель в СССР. О его социокультурных последствиях для аборигенного населения см.: [Голубцова, Буровский 1995: 32–45].

утратой ею целостности и изменением условий ее воспроизводства. Это следствие территориальной миграции, в том числе как бы постепенно проступающей из-под покровов иных видов миграции, образует нижнюю границу в диапазоне производимых ею социокультурных эффектов. Но диапазон ее воздействия может простирается и значительно дальше: от превращения носителей аборигенной культуры в меньшинство до их полного исчезновения и от частичной метисации аборигенной и пришлой культур до сложения новых культур/народов/наций¹.

V

В заключение еще раз подчеркну: все, что сказано выше о возможных результатах наложения протяженной временной шкалы на исследовательское поле специалистов по современной миграции, суть предположения и не более того. Но попробовать, я уверен, стоит — уже для того, чтобы, не впадая в аксиологию и не поддаваясь соблазну оценочной интеграции фактов прошлого и настоящего, которая ведет уже в область идеологии, все же попытаться ослабить ограничительную хватку релятивистских по своей сути подходов, господствующих в среде «современщиков». В конце концов, если даже окажется, что научное сопоставление Великого переселения народов с нынешним резким всплеском миграции с Ближнего Востока и из Северной Африки в Европу, а в перспективе, видимо, и в Россию на самом деле не является эвристическим или даже вовсе некорректно, этот результат тоже можно будет считать положительным. Хотя бы потому, что он позволит отвергать разного рода алармистские пророчества, основывающиеся на исторических аналогиях, не только потому, что этого требует конструктивистский символ веры.

¹ Яркие примеры обоого рода дает нам Латинская Америка. С одной стороны, здесь за исторически короткий срок было буквально стерто с лица земли аборигенное население Антильских островов — карибы и араваки, оставившие память о себе лишь в топонимике региона. С другой стороны, современное население Эквадора, Перу, Боливии и Парагвая представляет собой сильно метисированные сообщества, отличные по идентичности и многим культурным характеристикам и от аборигенного индейского населения, и от переселенцев из Европы.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Brownlee, J.* (2013). Violence against Copts in Egypt. Carnegie Endowment for International Peace.
- Hutton, T.J.* (2004). Emigration from the UK, 1870–1913 and 1950–1998 // *European Review of Economic History*, Vol. 8, No. 2. P. 149–171.
- Lukassen, J. and Lucassen L.* (2011). Discussion: Global Migration From mobility transition to comparative global migration history // *Journal of Global History*. Vol. 22, No. 6.
- Lucassen, J. and Lucassen, L.* (eds.) (2014). *Globalising Migration History. The Eurasian Experience (16th — 21st centuries)*. Leiden, Boston: Brill.
- Lucassen, J. and Lucassen, L.* (1997). *Migration, Migration History, History: old paradigms and new perspectives*. Bern: Peter Lang.
- Lucassen, J., Lucassen, L. and Manning, P.* (eds.) (2010). *Migration history in world history: multidisciplinary approaches*, Leiden: Brill.
- Meinardus, O.F.* (2002). *Two Thousands Years of Coptic Christianity*. Cairo: The American University in Cairo Press.
- The Cambridge World History of Slavery* (2011). Vol. 3: AD 1420–1804. Ed. by David Eltis and Stanley L. Engerman. Cambridge: Cambridge University Press.
- Амальрик, А. С., Монгайт, А. Л.* (1966). В поисках исчезнувших цивилизаций. М.: Наука. С. 262–272.
- Арриги, Дж.* (2006). Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего.
- Бродель, Ф.* (1986–1992). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV — XVIII вв. М.: Прогресс. Т. 1–3.
- Ващенко, А. В.* (2013). Способы обеспечения безопасности в традиционных культурах родового строя // *Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации / Материалы международной конференции*. Москва, 15–16 сентября 2012 г. / науч. ред. С. А. Панарин, Д. И. Польшвинный. Иваново: Изд-во Иванов. гос. ун-та. С. 31–40.
- Голубцова, Е., Буровский, А.* (1995). Хакасия: идеология и ландшафты // *Вестник Евразии*. № 1 (1). С. 32–45.
- Дятлов, В.И.* (1996). Предпринимательские меньшинства: торгаши, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки. М.: Вузовская книга.
- Кабузан, В.М.* (2012). Динамика этнического состава населения Абхазии и Косово в XIX — XX вв. // *Труды Института российской истории*. Вып. 10 / *Российская академия наук, Институт российской истории / отв. ред. Ю. А. Петров, ред. — коорд. Е. Н. Рудая*. М. С. 397–410.
- Кадыров, Ш. Х.* (2011). *Российско-туркменский исторический словарь*. Т. 1.
- Курбансахатов, К.* (2014). Орнамент, отпечатанный в керамике // *Электронная газета «Туркменистан: золотой век»*, 26 мая. <http://www.turkmenistan.gov.tm/>, дата обращения: 31.10.2015.

Ларин, А.Г. (2009). Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга.

Любарский, Г. Ю. (2000). Морфология истории: сравнительный метод и историческое развитие. М.: Тов-во научных изданий КМК. С. 77–78.

Мак-Нил, У. (2008). В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI — XX веках. М.: Территория будущего.

Маннанов, Б. (1964). Из истории русско-иранских отношений в конце XIX — начале XX века. Ташкент: изд-во «Наука» УзССР.

Масанов, Н. Э. и др. (2000). История Казахстана: народы и культуры: учеб. пособие. Алматы: Дайк-Пресс.

Нефёдов, С. А. (2010–2011). История России. Факторный анализ. Т. 1–2. М.: Территория будущего.

Петрухин, В. Я., Раевский, Д. С. (1998). Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.: Школа «Языки русской культуры». С. 320–321.

Самрина, Е. В. Экологическая безопасность как залог стабильности условий жизнедеятельности традиционных культур (на примере Хакасско-Минусинского края) // Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации / Материалы международной конференции. Москва, 15–16 сентября 2012 г. / науч. ред. С. А. Панарин, Д. И. Польшванский. Иваново: Изд-во Иванов. гос. ун-та. С. 40–51.

Сарианиди, В. И., Кошеленко, Г. А. (1966). За барханами — прошлое. М.: Наука.

Тюрюканова, Е. (2006). Принудительный труд в современной России: нерегулируемая миграция и торговля людьми. Женева: Международное бюро труда.

Успенский, Ф. И. (2011). История Византийской империи. Становление. Смуты. Македонская династия. М.: Астрель; АСТ.

Д. ПОЛЕТАЕВ,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института управления социальными процессами НИУ ВШЭ,
директор РОО «Центр миграционных исследований»

Феминизация сообществ трудовых мигрантов из Средней Азии: новые социальные роли таджичек и киргизок¹

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось с 1 марта 2015 г. по 15 июля 2015 г. в России (г. Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Казань, Екатеринбург) при поддержке DFID². В результате анкетного опроса было опрошено 1239 трудовых мигранток из Таджикистана и Кыргызстана в России (имеющих гражданство этих государств) от 15 до 60 лет в пяти городах (390 — в Москве, 250 — в Санкт-Петербурге, 209 — в Екатеринбурге, 190 — в Казани, 200 — в Нижнем Новгороде). Выборка репрезентировалась по возрасту (34% — от 15 до 25 лет, 33% — от 26 до 35 лет, 33% — от 36 до 60 лет), странам исхода (50% — из Таджикистана, 50% — из Кыргызстана), опыту работы в России (50% — с опытом работы один-два года и 50% — три года и более) и основным сферам занятости (максимально возможное разнообразие). Было проведено 30 полуструктурированных интервью с экспертами (10 — в Москве, 7 — в Санкт-Петербурге, 5 — в Екатеринбурге, 5 — в Казани, 3 — в Нижнем Новгороде), 83 глубинных интервью с женщинами — трудовыми мигрантами из Таджикистана и Кыргызстана в России (35 — в Москве, 10 — в Санкт-Петербурге, 17 — в Екатеринбурге, 17 — в Казани, 4 — в Нижнем Новгороде) и 3 фокус-группы в Москве (с учителями и завучами школ, где учатся дети-мигранты, женщинами — трудовыми мигрантами из Таджикистана и Кыргызстана).

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г. В статье используются результаты исследования «Феминизация трудовой миграции из Таджикистана и Киргизии в России» при финансовой поддержке DFID.

² Department for International Development (UK). — *Прим. ред.*